

Тимур Мухаматулин

Франсуа-Ксавье Нерар. Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928–1941). М.: РОССПЭН, 2011. 398 с. ISBN 978-8243-1547-9.

Тимур Мухаматулин. Адрес для переписки: ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117039, Россия. tmukhamatulin@gmail.com.

Острый интерес к теме доноительства (особенно к этому явлению в сталинский период) будет сохраняться, пока не открыт доступ к архивам и многие документы остаются засекреченными. Возможно поэтому исследования доноительства вызывают резкую общественную реакцию. Однако монография французского историка Франсуа-Ксавье Нерара «Пять процентов правды. Разоблачение и доноительство в сталинском СССР (1928–1941)», несмотря на название, посвящена не только доносам, если понимать это слово как «доведение до сведения властей информации о наказуемых действиях отдельных людей с целью причинения им вреда» (с. 11). Нерар рассматривает различные аспекты письменной коммуникации между гражданами и властью, причисляя к «доносам» также и «разоблачение несправедливости или ситуации, которая представляется недопустимой» (с. 11).

Автор предваряет свою работу подробным экскурсом в историю отношений между народом и государством в России и показывает, как формировалась практика «писем во власть». Он начинает с челобитных времен Ивана Грозного, которые стали способом «добиться справедливости» через обращение к государю (с. 17). Пётр Первый использовал «фискалов» (специальных чиновников, обязанных сообщать о любом нанесении вреда государству) для создания системы контроля за работой администрации на местах. Наконец, с первых месяцев большевистской власти в России была разработана государственная система, сходная с современным «мониторингом общественного мнения» и опиравшаяся, в частности, на письменные обращения граждан к властям.

Доносы рассматриваются Нераром как способ коммуникации между властью и обществом. При этом историк не помещает свое исследование в контекст Большого террора или других крупных социальных потрясений 1930-х годов, он лишь упоминает об Иосифе Сталине и особенностях его личности. Вместо того, чтобы обрисовать существующую среду, Нерар обращается к истории институтов, рассматривая – через функционирование доносов – работу системы контроля в СССР. Он показывает, как складывалась система контролирующих органов – партийного (обращавшего внимание в первую очередь на партийную дисциплину) и государственного (занятого преимущественно финансовым контролем). В 1930-е годы эта система сформировалась окончательно: были созданы, соответственно, Комиссия партийного контроля (КПК) и Комиссия советского контроля (КСК). Эти организации просуществовали практически в первоначальном виде до конца советской власти.

Работа этих структур на разных уровнях – от центрального до районного – становится одним из предметов исследования Нерара. Привлекая документы не только из центральных архивов, но и из архивов Нижегородской и Саратовской областей, историк рисует мрачную картину: система работает плохо, если вообще работает. Не хватает людей для работы в бюро жалоб, даже руководители, особенно на местном уровне, к самим жалобам относятся небрежно. Нерар приводит цитату одного из бюрократов: «Что вы думаете, председатель у нас жалобами что ли занимается?» (с. 186). Из работы редакции «Правды» с письмами можно сделать вывод: письма уничтожали, их теряли, на них редко и несистематически отвечали.

Тем не менее, важный вывод из работы Нерара таков: практика написания «писем во власть» в 1920–1930-е годы сохранялась, а в годы Большого террора приобрела еще более широкий размах. В 1936 году только газета «Горьковская коммуна» получила 25 тысяч писем, поток обращений в Бюро жалоб КСК составлял 40–50 тысяч писем в год (с. 171). Иными словами, несмотря на неэффективность системы, люди продолжали отправлять «сигналы»: именно этот эвфемизм стали в советское время использовать для обозначения доноса, содержащего информацию о каких-либо нарушениях, поступившую непосредственно «с места». Нерар объясняет это тем, что, с одной стороны, «сигналы» остаются к середине 1930-х годов едва ли не единственным «социальным клапаном», легальным способом сообщить о своем неблагополучии. «Письма во власть» стали выполнять эту функцию из-за того, что перестали существовать другие формы выражения протеста. Начиная с рубежа 1920–1930-х годов в СССР были приняты антизабастовочные меры, разгромлена политическая оппозиция (в том числе на низовом уровне), подавлялись уличные волнения. С другой стороны, дополнительную легитимацию жанру «сигнала» придавала кампания самокритики в 1927–1928 годах. Под самокритикой следует понимать не только самообвинения со стороны начальства, но и критику рядовыми работниками деятельности руководства на предприятиях. «Если критика идет снизу, мы не должны пренебрегать такой критикой, которая является правильной на 5–10 процентов», – приводит Нерар слова Сталина по этому поводу (с. 89).

Но не только желание улучшить жизнь вокруг себя мотивировало авторов подобных писем. Нерар описывает казус с работой отдела писем газеты «Правда». Он стал известен исследователям благодаря письму бывшей работницы этого отдела М. Хайкиной, которое попало в Центральный комитет комсомола (ВЛКСМ) в ноябре 1938 года. После этого случая была создана специальная комиссия по исследованию работы в «Правде». Задачей комиссии была борьба с «врагами» внутри главного советского печатного издания. В эту комиссию поступило 42 письма, среди которых «технические» письма, ставившие целью улучшить работу газеты, были «заметно менее многочисленны», чем доносы и письма-«отмежевывания» (написанные с целью показать, что с тем или иным человеком, обвиненным в каких-либо преступлениях, у автора нет ничего общего) (с. 226–227).

Чем же тогда можно объяснить доносительство, если улучшение жизни вокруг не является главным мотивом для авторов «сигналов»? Демонстрируют ли они таким образом лояльность власти? Конечно, можно было бы объяснить это

всепроницающим страхом, который заставлял людей совершать самые аморальные поступки и который Ханна Арендт ставила в основу «тоталитаризма» (1996). Однако сам Нерар показывает, что «семья, близкий круг друзей, отправление религиозных култов не были предметом доноительства» (с. 330).

Изученная Нераром проблематика вписывается в продолжающуюся уже десятилетия дискуссии среди социальных историков советского общества. Последователи тоталитарного подхода считают, что отношения власти и общества в СССР были основаны на страхе и принуждении. Их оппоненты – представители ревизионистского подхода, первые труды которых увидели свет в середине 1970-х годов, – отмечают, прежде всего, активность населения в освоении сталинского проекта, опираясь на опыт изучения социальных групп советского общества (например, «выдвиженцев» сталинской поры).

Книга Нерара представляет собой синтез этих двух подходов, возможно, впрочем, не до конца отрефлексированный самим автором. С одной стороны, Нерар описывает власть как сущность, желающую все знать (и в одном пассаже характеризует советский проект как «тоталитарный») (с. 328). Казалось бы, перед нами очередная пример работы о «советском тоталитаризме». Но, как пишет немецкий историк Йохен Хелльбек, тоталитарная интерпретация низводит «советского гражданина до уровня инструмента» (2010). С другой стороны, один из ключевых выводов работы Нерара заключается в том, что советские граждане активно осваивали идеологические конструкции и язык пропаганды. Им не требовались дополнительные поощрения, чтобы писать доносы. Таким образом, Нерар отчетливо демонстрирует «распаковку» идеологии (в терминологии Хелльбека), ее принятие и переосмысление массами. Можно привести пример: авторы «сигналов» активно используют самые современные идеологические клише. Так, после появления в газетах термина «враг народа» он переключивается на страницы доносов, хотя раньше практически не использовался в них. И наоборот: когда соответствующие идеологические кампании прекращаются, уходят в прошлое также и поиски «кулаков» и «бывших» (с. 287). В обращениях авторы акцентируют внимание на своих бедах при «старом режиме», часто выступают от лица «партии». Нерар пишет: «Идеальной жертвой остается советская власть или партия» (с. 283). Многие письма содержат уверения в бескорыстности авторов, заинтересованных лишь в улучшении дел в советском государстве.

Нерар только констатирует факт использования и знания «большевистского языка», который должен был приносить успехи обращающимся, однако в своих рассуждениях он не делает следующий, вполне логичный шаг: люди не только использовали правильные слова, но и конструировали свою новую советскую идентичность. Именно здесь, как кажется, скрывается основной недостаток работы Нерара: он рассматривает власть и общество как две противоположные структуры. Однако из приведенных им документов следует, что часть общества видела себя частью власти, выражая это иногда наивно: например, обращаясь к лидерам партии на «ты» или используя обращение «дорогой». Люди присоединяли себя к советскому обществу, воспринимали советскую власть как близкую себе и поэтому, выражаясь словами Шейлы Фитцпатрик, «всегда готовы были сделать ей выго-

вор» (2008:212). Но также они отделяли от себя «врагов» этого общества – именно так, вероятно, можно объяснить популярность вышеупомянутого жанра «отмежевывания».

В заключительном разделе монографии Нерар еще раз повторяет свой главный тезис: доносы писались потому, что это был единственный способ донести недовольство до руководства – от районного уровня до высших политических кругов СССР. Поэтому можно сказать, что «четыре миллиона доносов», авторством которых интересовался писатель Сергей Довлатов (1993:87), стали не примером «аморальности» советского народа, а очередным доказательством активного участия людей в советском проекте, стремления улучшить его функционирование. Именно в ясной демонстрации этого тезиса и заключается ценность книги Франсуа-Ксавье Нерара.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арендт, Ханна. 1996. *Истоки тоталитаризма*. М.: ЦентрКом.
- Довлатов, Сергей. 1993. *Собрание прозы в трех томах*. Т. 1. СПб.: Лимбус-Пресс.
- Фитцпатрик, Шейла. 2008. *Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город*. М.: РОССПЭН.
- Хелльбек, Йохен. 2010. «Повседневная идеология: жизнь при сталинизме». *Polit.ru*, 24 ноября. Просмотрено 5 апреля 2015 г. (<http://polit.ru/article/2010/11/24/hellbeck>).